

ЛИНГ В/ИС ТИНА

БОРИС
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЛАРИН

(проблемы
языка города
и «мировых языков»)

Л. С. КОВТУН

К числу важных достижений советского языкознания относится разработка проблем социолингвистики и культуры речи. Большая заслуга в этом принадлежит академику Б. А. Ларину (1892–1964) и доктору филологических наук С. И. Ожегову (1900–1964). Оба они были прекрасными знатоками русской речи, талантливыми педагогами, увлеченнейшими лексикографами, яркими учеными. Рассказать о них в одном номере журнала хочется еще и потому, что при жизни этих крупных ученых связывали отношения учителя и ученика.

Следуя традиции, согласно которой ученику принадлежит неоспоримое право рассказывать о своем учителе, предоставляем слово доктору филологических наук Л. С. Ковтун и кандидату филологических наук Л. И. Скворцову.

Сегодня, когда изучение разговорной речи стало одним из актуальных направлений мировой лингвистики, а «городская диалектология» переживает только ранний этап развития, работы Б. А. Ларина о языке города приобретают особенное значение.

Уже в 20-е годы Ларин поставил проблему лингвистической характеристики живой речи горожан. Работа была начата в Научно-исследовательском институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (Ленинград) и продолжена в Институте речевой культуры специальной группой. Во второй половине 20-х — начале 30-х годов были проведены записи живой речи жителей Ленинграда и некоторых поселков городского типа Ленинградской области (Боровичский район).

Статьи Ларина о языке города, написанные несколько десятков лет назад, и ныне не потеряли своей теоретической остроты и дают ценный материал, позволяющий сопоставить языковое состояние русского города начала века и наших дней. По мнению Б. А. Ларина, язык большого города представляет собой конгломерат разнообразных письменных и разговорных систем, не тождественных ни литературному языку, ни какому-либо крестьянскому диалекту (не сводимый к ним целиком). Системы эти «своеобраз-

ны и по социальной основе, и по чисто лингвистическим признакам [1, стр. 64]. Характерной чертой развития городского просторечия является «теснейшая взаимная обусловленность двух или нескольких языковых систем, находящихся в распоряжении каждой социальной группы (соответственно индивида) в силу того, что она (или индивид) принадлежит одновременно нескольким и разным по охвату коллективам» [1, стр. 64].

Особо подчеркивал Ларин необходимость изучения языковых групп, переходных между городом и деревней. «Разные доли или степени нерастворимого диалектного субстрата,— замечает он в одной из своих последних статей,— сохраняются в местном „просторечии“ любого края, области» [2, стр. 191]. Это взаимное воздействие языка города и языка деревни следует иметь в виду не только в «городской диалектологии», но и при изучении крестьянских говоров. «Представляется методическим промахом изучать диалекты обособленно, устранять из исследования тот материал, в котором больше проявилось диалектическое взаимодействие (влияние соседних говоров, отражение книжного и „городского“ языка, иноязычные заимствования). Поскольку этот материал варьируется от одного поколения к другому, мы имеем в нем источ-

В «Псковском областном словаре»* нашли отражение идеи проф. Б. А. Ларина об изучении народных говоров в их современном состоянии и историческом развитии. Теоретические основы словаря изложены Б. А. Лариным в «Инструкции Псковского областного словаря», на основе которой готовится словарь.

ник для выяснения „разнодиалектности“ в индивидуальном языковом диапазоне. А только в зависимости от накопления данных и наблюдений этого рода может быть установлена близкая к языковой действительности, а не фиктивная пуристическая „средняя норма“ диалекта» [3, стр. 97].

Ларин искал материалы для изучения специфических черт живой речи, разговорного языка как в записях речи горожан, так и в записях областной речи. «Наиболее существенно характеризует „практическую“ речь незаконченность ее, нормальная речевая работа недоосуществляется за ненадобностью в разговорных случаях вследствие подчинения в них речи как сопутствующего, побочного средства другим средствам общения» [3, стр. 97]. Таким образом, уже давно ученый указал на те черты диалогической речи, фиксация которых оказалась возможной

лишь благодаря магнитофонным записям. Он умел вычленил эти черты в любом их проявлении, в материалах современных и исторических.

Для Ларина был характерен глубоко исторический подход к научной проблематике, которую он соотносил и с отдаленным будущим, и с далеким прошлым.

К замечательным страницам филологии относятся его монографии, посвященные изучению трех иностранных источников по истории русского языка XVI—XVII веков [4—6]. И здесь в центре внимания—разговорная речь, на этот раз — отражение живой речи жителей Московской Руси в случайных записях свидетелей того времени.

Ларин считал, что даже те из древних памятников русской письменности, которые, казалось бы, очень близки к непринужденной разговорной речи, не могут быть абсолютно свободны от письменной традиции. Непосредственная живая речь отражается, например, в записях «с голоса» приезжавших в Москву иностранцев, которые составляли их для себя, чтобы объясняться с русскими на их языке в житейских ситуациях. Однако расшифровать эти записи, лингвистически интерпретировать их, выявить невольные ошибки очень трудно. Значительность результатов, достигнутых ученым на этом пути, неоднократно отмечалась в литературе [см. 7, стр. 128—134; 8, стр. 152—155]. Он реконструировал (по записям французских и английских купцов) разговорный язык жителей города Архангельска, крупного порта начала XVII века, представлявший, как выяснилось, конгломерат говоров севернорусских с вкраплением черт западнорусских и даже южнорусских. Были получены сведения и о московской живой речи XVII века (по записям Генриха Лудольфа).

В одной из последних своих работ Ларин так охарактеризовал

ЛИНГВИСТИКА

процесс сложения русского национального языка: «...важным признаком образования национального языка надо считать органическое, проникающее сближение ранее противопоставленных и обособленных систем письменного и разговорного языка... Сперва функционально разграниченное чередование, потом переплетение, чередование в пределах одного выражения, когда экспрессивную функцию приобретает именно сочетание или чередование элементов этих двух систем, и еще позже — создание нового типа литературного языка... Разговорная речь Московской Руси в ее сложном многообразии и развитии с XV по конец XVII в. должна изучаться как предпосылка и глубокая основа национального языка — более существенная и определяющая, чем традиции книжно-славянского языка, тоже сохранившиеся в нем поныне, однако в убывающей, а не возрастающей прогрессии» [9, стр. 25—26].

Большой город многоязычен. Ларин вновь и вновь возвращается к этой теме, дающей возможность исследовать проблему развития функций межнационального и интернационального, или мирового, общения у национальных языков.

Ученый считал, что в наше время одноязычность на широком фронте культуры отстает перед двуязычностью и многоязычностью. Уже в 20-х годах он отметил наличие разных форм и стадий билингвизма — от резкого искажения вновь усвояемого (второго) языка по моделям своего родного (первого) до полного ов-

ЛИНГВИСТИКА

ладения другим языком. «Надо пристально изучать билингвизм,— писал он, углубляя поставленную проблему,— при самых различных комбинациях элементов: параллельное употребление близкородственных языков (например, русского и украинского) или диалекта, или литературного национального языка в селах РСФСР и др. национальных республик; иные этапы, иные результаты при сочетании неродственных языков (например, английского и русского, немецкого и русского и т. д.)». Билингвизм восходящих стадий, по мнению Ларина, можно наблюдать у приехавших в наши университеты иностранцев при обучении их русскому языку или при изучении иностранного языка русскими студентами. «Все это дает возможность сделать выводы первостепенного значения для проблемы распространения и упрочения „мировых“ языков», — заключает он, имея в виду языки широкого международного, политического и научного обихода [2, стр. 192].

Начиная со второй половины XX века, когда к таким «мировым языкам» прибавился русский, в общезыковедческом плане и с точки зрения конкретных задач русистики становится актуальным вопрос о том, как изменяется национальный язык, приобретая функции «мирового» (но отнюдь не единственного в мире,— подчеркивал Ларин).

Ныне русский язык общеизвестен в республиках Советского Союза. Это язык межнационального общения. Он распространен и далеко за пределы СССР. Но в преодолении своего «национального монизма» он не стесняется свободного развития национальных языков. Расцвету языков в СССР способствует борьба за

массовую культуру речи в национальных республиках. «Кто может оспаривать или отрицать яркое развитие более чем пятидесяти советских национальных литератур?» — писал Ларин. «Важнейшая функция национальных языков: быть орудием развития, расцвета национальной художественной литературы» [2, стр. 191].

В связи с «мировыми языками» Ларин рассматривает проблему образования мирового фонда художественной литературы из национальных литератур, из которых и совершается, по выражению Ларина, «естественный отбор» памятников мировой славы, переводимых на сотни языков, читаемых миллионами и сотнями миллионов [2, стр. 193]. Но важно изучить, как происходит создание фонда «мировой литературы», чем обусловлено оно, какими качествами и свойствами обладают литературные произведения, входящие в этот фонд, какова национальная окраска переводов. Ведь Шекспир во Франции в конце XVIII века и Шекспир в России конца XIX века — это не одно и то же! «Преимущества для продвижения в мировой пантеон литературы,— пишет Ларин,— имеют произведения, написанные на „мировых языках“». Это очевидно. Ведь древнегреческий, латинский, санскрит, каждый в свое время и в своем ареале, были «мировыми языками»... Но тем более интересно установить, как проникают на этот мировой горизонт памятники «малых литератур». Одним из таких путей, по Ларину, являются искусные переводы на языки большого ареала: «Хорошо сделанные переводы на русский язык произведений писателей малых наций открывают им новые широкие пути международного распространения...» [2, стр. 193]. ■

В научной деятельности Ларина внимание к живой речи было

определяющим. Он так и писал о своем увлечении: «О с н о в н ы м и первым занятием лингвиста должен быть живой язык... Образная фраза, которую предложил для характеристики диалекта Балли, мне кажется правильной. Она такова: литературный язык является ледяной коркой, которая сковывает поверхность потока, мощного, бурного, часто мутного. Она его охраняет, но она и скрывает его тайны, его жизнь» [10, стр. 13].

В своей научной деятельности Б. А. Ларин всегда стремился теоретически развить проблему до конца, выдвигать научные проекты широкой перспективы. Он считал, что «строить большие планы, питать далеко идущие надежды» в науке необходимо. Иначе «мельчает кругозор, укорачивается дистанция мысли» [2, стр. 189].

Литература

1. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города. «Русская речь», III. Л., 1928.— 2. Он же. О филологии близкого будущего. «Филологические науки», 1963, № 1.— 3. Он же. Материалы по литовской диалектологии. «Язык и литература». Т. I, в. 1—2. Л., 1926.— 4. Он же. Русская грамматика Лудольфа 1696 г. Л., 1937.— 5. Он же. Парижский словарь москвитов 1586 г. (исследование, издание текста, комментарии, указатель). Рига, 1948.— 6. Он же. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Исследование, издание текста, перевод, комментарии. Л., 1959.— 7. Грикова Н. П. Ценный источник для изучения истории русского языка. «Филологические науки», 1961, № 1.— 8. Филин Ф. П. Об источниках изучения устной речи Московской Руси. «Вестник ЛГУ», 1961, № 2.— 9. Ларин Б. А. Разговорный язык в Московской Руси. В сб.: «Начальный этап формирования русского национального языка». Л., 1961.— 10. Он же. Вступительное слово на защите докт. дис. Архив АН СССР, ф. 77, оп. 1 (1947), № 31, л. 99—100.